

Посвящается Бену, кому же ещё

Глава первая

Так.

С неба падают птицы.

Я, конечно, не эксперт, но точно знаю, что падать с неба птицам не полагается.

Я серьёзно. Все же согласны, что это безумие?

Кстати, о безумии. Меня зовут Лорен... и я мальчик.

Неожиданный поворот, да? Папа говорит, у меня дар менять тему. Между прочим, это он решил назвать меня Лореном, так что его комплиментам я рад, но не от всей души.

По правде говоря, меня назвали в честь дедушки, он умер за неделю до моего рождения. Дедушка был отставным «морским котиком» ростом метр восемьдесят, то есть достаточно крутым, чтобы носить имя Лорен.

В отличие от меня.

Во-первых, я мелкий. Из всех моих знакомых одиннадцатилеток я ниже всех. Я ношу очки. И читаю комиксы. Ко всему прочему прибавьте, что однажды на физкультуре Дэвид Стадлер случайно вырубил меня волейбольным мячом, и картина будет полная.

Просто поверьте: имя Лорен – отстой. Пусть все и зовут меня Рен.

Я думал об этом много лет и пришёл к выводу, что дедушка бы со мной согласился. Если бы под

конец жизни он мог говорить, то, наверно, сел бы в кровати и изрёк что-то вроде: «Не называй своего ребёнка Лореном, сынок. Это глупая затея».

Что-то я отвлёкся. Суть в том, что птицы падают с неба.

Погодите.

Птицы падали с неба. Клянусь, секунду назад так и было.

А сейчас они просто... там. Носятся над соседской опушкой, летают кругами туда-сюда, в общем, ведут себя как нормальные птицы.

Ну и ну.

Может, мне всё померещилось.

Может, после всех лет, что мне приходилось откликаться на имя Лорен, у меня всё-таки поехала крыша.

Может, это подъёмы в шесть утра на летних каникулах довели меня до ручки.

А может... Так, погодите! Они снова падают!

Я встаю с наблюдательного пункта в траве, отклеивая от спины потную футболку с надписью «Свободу Бананамену».

«Бананамен» – это мой любимый комикс. В восьмидесятые он был популярен в Англии, но здесь, в Штатах, о нём почему-то никто не знает.

Он дурацкий, но всё равно забавный. Там про парня по имени Эрик Вимп, он примерно моего возраста, и когда он съедает банан, то превращается в супергероя. Бананамен сильный, как двадцать мужиков (двадцать здоровенных мужиков),

и сражается с суперзлодеями вроде Доктора Глума и Женщины-Скунса, которые, в отличие от настоящих, не страшные, а скорее смешные. А ещё на Северном полюсе у него есть крепость в форме огромного банана.

Говорю же, дурацкий комикс.

Я сажаю очки повыше на нос, чтобы получше разглядеть птиц. Линзы я не ношу: меня тошнит от одной мысли, что придётся трогать глазные яблоки.

Оказывается, я ошибся: птицы не падают с неба. Они вроде как... крутят сальто.

Будто кто-то шлёт им тайные послания и приказывает остановиться, на миг замереть в воздухе, а затем броситься навстречу земле, будто они маленькие пернатые гимнасты.

Когда птицы-самоубийцы оказываются у самой опушки, я сжимаюсь от страха. Но за секунду до столкновения с землёй эти ребята взмывают ввысь как ни в чём не бывало.

Очень странно.

Но что *самое странное*: они делают это снова.

И снова.

И снова.

Я начинаю беспокоиться, что птицы серьёзно больны (новым жутким суперзаразным птичьим гриппом, например), как вдруг входная дверь, протяжно скрипя, чиркает о крыльцо.

Папа обещает починить дверь с тех пор, как мы сюда переехали.

Странновато жить в бабулином старом доме. Он будто не совсем наш. В ванных комнатах всё ещё пахнет её ароматическими смесями, бабулин зонтик стоит на своей полке в прихожей, а дедушкина медаль «За выдающуюся службу» так и висит на стене.

В нашем прежнем доме, в городе, дверь не скрипела. В ванных пахло дезинфицирующим средством, а зонтиков вообще не водилось.

До Вествилла отсюда всего тринадцать километров, но иногда кажется, что целый миллион.

Я поворачиваюсь к двери и вижу папу. У него своя инженерно-строительная фирма, так что на работу он обычно ходит в рубашке, но сегодня у него встреча с важным клиентом из Фэрмонта.

Непривычно видеть папу в костюме.

— Здорово, дружище. Как пробежка?

Утомительно. Скучно. Больно.

— Отлично, — вру я. — Взгляни-ка на птиц.

Папа прислоняется к дверному косяку:

— Ты следил за техникой приземления?

Знаете, как сложно концентрироваться на технике приземления во время бега? Это всё равно что гладить себя по животу и похлопывать по затылку одновременно. Только ещё потеешь.

— Смотри, — я снова пытаюсь его отвлечь, — там птицы странно себя ведут.

Папа выходит на крыльцо, придерживая дверь ногой сорок шестого размера. У папы всё большое, в этом я не в него. Он ставит ладонь козырьком, прикрывая глаза от солнца.

— Какие птицы?

— Вон там.

Я указываю на другую сторону поля, которое идёт под уклон от нашего двора до самой соседской опушки. Если добираться по дороге, их дом примерно в полутора километрах от нас. А если срезать через поле, по диагонали, то ещё ближе.

Но «вон там» ничего нет.

То есть деревья, конечно, есть. Небо, парочка облаков, солнце — это всё на месте. Дом наших соседей не поглотила чёрная дыра, не подумайте.

А вот птицы исчезли.

— Но они там были, — говорю я, уставившись на клочок пустого неба.

Птицы же не могли просто раствориться в воздухе, так?

— Улетели, наверно. — Папа возвращает меня в реальный мир. — Идём домой. Нам с мамой скоро на работу.

Я вздрагиваю, когда он захлопывает за собой дверь, явно не обращая внимания на скрип.

Может, папа и прав. Может, птицы улетели. Но это не объясняет, куда они подевались. Или что они делали, пока не исчезли.

Я остаюсь ещё на минуту в надежде, что они вернутся.

— Рен! — доносится из-за двери папин голос. — Ты куда пропал, дружище?

Я неохотно встаю на ноги. Бросаю на небо последний взгляд и иду домой.

Глава вторая

Захотите как следует испугаться – погуглите как-нибудь «птицы падают с неба».

Результаты довольно жуткие.

По крайней мере, страх случайно отравиться пестицидами (а это одна из причин, по которой птицы могут падать) хоть как-то отвлекает меня во время пробежки следующим утром. Обычно я считаю телеграфные столбы и пытаюсь не думать о мошке, залетающей в нос.

К тому времени, как я поворачиваю в сторону дома, скуку не скрашивают даже мысли о дрейфующем облаке пестицидов. Мы же всё-таки на юге Миннесоты. Если соевые поля приводят вас в воссторг, значит, вам повезло. А если нет... Скажем так, я в последнее время себя везучим не считаю.

Знаю, вся эта затея под названием «попасть в команду по кроссу» с самого начала принадлежала мне, но, видимо, я думал, что бегать – это как-то более... весело. Искренне не понимаю, почему папе так это нравится.

Я с трудом поднимаюсь на холм и дышу всё чаще и надрывнее. В боку уже начинает колоть. Я сгибаюсь в три погибели, сжимаю кулак и вдавливаю его в живот, чтобы унять спазм.

На вид я, наверно, вылитый Квазимодо, которого прохватил понос. В кой-то веки я рад, что мы переехали в такую дыру.

Я наконец спускаюсь с холма к перекрёстку и сворачиваю на нашу улицу. Я почти у цели, но вдруг улавливаю краем глаза какое-то движение. Всматриваюсь в поле и вижу примерно дюжину птиц сразу. Они снова порхают над соседским домом.

Я резко останавливаюсь.

Втягивая носом воздух (вместе с мошкой), я смотрю на птиц в ожидании, что они снова начнут крутить сальто.

Медленно проходит минута.

У меня болит бок. Пот ручьём стекает по шее. Комары слетаются на меня, будто я их личный шведский стол.

Птицы так и летают кругами.

Я уже готов сдаться, как вдруг вот оно: голуби заваливаются на спину и делают сальто вниз, пикируя на деревья.

Я не позволю им снова исчезнуть.

Не раздумывая ни минуты, я ныряю в высокую траву на обочине дороги. То спотыкаясь, то бегом я добираюсь до кювета и перебираюсь на другую сторону. Иду к соседскому дому через поле, увязая ногами в земле.

Когда я оказываюсь у опушки, то снова еле дышу, а мои беговые кроссовки замызганы.

Деревья тут растут не так густо, как кажется издали. Между ветками проглядывают пятна голубого неба. Земля хрустит от опавших сосновых шишек.

Пахнет почему-то рождественским ужином.
С ноткой удобрений.

Я вглядываюсь в деревья, рассматривая дом соседей. Мы с ними ещё не знакомы. Что, если они из тех, кто держит собак? Или оружие? Или и то и другое?

Белый коттедж с черепичной крышей напоминает наш дом, только у соседского местами облупилась краска, да и газон не мешало бы подстричь. На подъездной дорожке припаркован красный универсал с кучей выцветших наклеек на бампере.

Я прищуриваюсь, пытаясь их разглядеть. Наклейки на бампере многое говорят о человеке. К счастью, выбор соседей не внушает опасений. На одной написано «Борись за мир», что, по-моему, хороший знак: меня не пристрелят за вторжение на их территорию.

Ну, будем надеяться.

В поле за домом торчат стебли скошенных сорняков. Посередине стоит маленький домик размером как раз с бабулин садовый сарай. По правде, он и выглядит как бабулин сарай, вот только на крыше у него проволочная клетка.

Присмотревшись, я понимаю, что там, внутри, птицы. Судя по всему, всего парочка.

Из сарая выходит девчонка примерно моего возраста, и я мигом прячусь за ближайшим деревом. В ушах у меня шумит кровь. В венах бурлит адреналин.

Наверно, так себя обычно и чувствуют супергерои.

Я заставляю себя досчитать до двадцати. Затем смещаюсь вбок и украдкой выглядываю из-за дерева.

Вряд ли супергерои что-то делают украдкой. Я думаю, они и слова-то такого не знают.

С другой стороны, они ненастоящие, так что и словарный запас у них ограниченный.

— Что ты там делаешь?

Я замираю, обнимая дерево так, будто у меня к нему романтические чувства.

«Дендрофилия, — подсказывает мне частичка мозга. — Любовный интерес к деревьям».

Девчонка стоит всего в нескольких метрах и смотрит прямо на меня.

У неё рыжие волосы. Очень, очень рыжие. Несколько рыжие. Кое-где проглядывают ярко-жёлтые и оранжевые пряди.

Будучи довольно умным для своего возраста, я делаю вывод, что волосы у неё крашеные.

В жизни не видел сверстников с крашеной шевелюрой.

Выглядит круто. Будто на её чёрную футбольку по плечам стекает лава. Волосы словно извергаются из её головы.

Мы стоим, уставившись друг на друга. Она худая, почти как я, с острым подбородком и тёмно-синими глазами. Джинсовые шорты покрыты чёрными каракулями. Судя по всему, маркером

постаралась. Все слова вверх тормашками. Может, ей стало скучно, а кроме шорт порисовать было не на чем.

Нацарапай я маркером на шортах хоть слово, мама бы меня убила.

Девчонка бросает взгляд мне за спину. Я обворачиваюсь. Когда птицы пикируют вниз в очередном кульбите, она поднимает руку, в которой зажат какой-то предмет — вроде рулетки, но меньшее. Она часто-часто им щёлкает.

Я вдруг замечаю её накрашенные чёрным лаком ногти. Лак слегка облупился.

Я остро чувствую, насколько она круче меня.

— Заблудился?

У неё неожиданно хриплый голос. С таким звуком, наверное, расстёгивается липучка, если вы понимаете, о чём я.

Я силком отклеиваю себя от дерева и вытираю ладони о шорты.

— Я... бегал.

Она смотрит и явно ждёт, что я что-то добавлю.

— Я увидел птиц и... — Я замолкаю, не зная, что ещё сказать.

— Ты живёшь рядом? — спрашивает девочка, продолжая щёлкать.

— Мы недавно переехали. — Я указываю на холм, где стоит бабулин дом. Хотя теперь это, пожалуй, наш дом. — Из города. Так что я местный.

— А я вот нет, — просто отвечает она и наклоняется почесать комариный укус на ноге. —

Мы переехали месяц назад. Из Вашингтона. Кстати, я Саттон. Саттон Дэвис.

Саттон. Саттон Дэвис.

— Лорен. — Я сжимаюсь, заранее зная, что сейчас будет. — Лорен Холл.

Я уже готов услышать смех. Но она просто переспрашивает:

— Лорен?

Я киваю.

— Не думал представляться вторым именем?

Как будто это не приходило мне в голову.

— У меня нет второго имени.

Она пожимает плечами:

— Ты не много потерял. Моё вот — Присцилла. Присцилла. Саттон Присцилла Дэвис.

Ну не знаю. Вообще-то звучит неплохо.

— Все зовут меня Рен, — говорю я.

Птицы над нами снова крутят сальто назад. Саттон поднимает руку, щёлкая своим приборчиком.

— Почему они так делают? — спрашиваю я.

Саттон не сводит глаз с птиц.

— Это бирмингемские роллеры. Для них это в порядке вещей.

Секунду.

— Голуби? Это что, твои домашние животные?

— Они не домашние животные. — Саттон смотрит на меня вздёрнув подбородок. — Я их тренирую. Они станут чемпионами.

Глава третья

Есть немалая вероятность, что я говорю с сумасшедшей.

Разве голубей можно тренировать? Они же дикие птицы, так? Это всё равно что тренировать белок. Только сложнее, потому что голубь может запросто улететь. Хотя, кажется, бывают и летающие белки. Но вряд ли они на самом деле умеют летать. Или умеют?

— А зачем ты их тренируешь? — спрашиваю я.

Мой голос звучит странно. Точно таким же тоном мама разговаривала с бабулей, когда та не-задолго до смерти переехала в дом престарелых в Санни-Пайнс и думала, что медсёстры воруют её носки.

Саттон снова поднимает руку, быстро щёлкая своей штуковиной, и птицы камнем падают вниз.

— Вот за этим. — Она показывает вверх.

— Ты учишь их кувыркаться?

— Это называется «играть». И они уже научились.

Саттон откидывает волосы с лица. Они сияют даже в тени. Как будто её голова не обычный вулкан, а радиоактивный.

— Если они уже научились, зачем тогда их тренировать?

— Вся стая должна кувыркаться синхронно. Нужно, чтобы они играли как можно дольше и... — Она замолкает. — Всё очень сложно.

— А, ладно. — Мне жаль, что она не договорила.

— В каком ты классе? — спрашивает Саттон.

Технически ни в каком, раз уж до конца каникул ещё четыре недели. Но мама говорит, что придираться к таким мелочам — значит «быть несносным безо всякой на то причины» и что «друзей от этого больше не станет».

У мамы в запасе полно мудрых мыслей.

— Я перешёл в шестой, — говорю я. — Мне одиннадцать.

Саттон кивает:

— Мне тоже. Кто у тебя будет классным руководителем?

— Мистер Вайнхолт.

— А у меня миссис Томпсон. Знаешь про неё что-нибудь?

— Кажется, она состоит в ФОО вместе с моей мамой. Но я с ней толком не знаком. На вид ничего, улыбчивая.

Саттон наклоняет голову. Влево, если быть точным.

— Что такое ФОО?

— Это такой клуб. Не знаю, чем они там занимаются.

— А что значит ФОО?

— Тоже не знаю, — честно говорю я. — Это тайна.

Даже на их официальном сайте не написано.

Похоже, Саттон впечатлилась.

— Твоя мама состоит в тайном клубе?

— Он не прямо *тайный*, — отвечаю я. — Это же не масонская ложа.

Интересно, женщина вообще может стать масоном? Я мысленно ставлю галочку, чтобы не забыть потом про это почитать. И про летающих белок тоже.

— Они устраивают обеды, приглашают лекторов и всё такое, — говорю я. — А ещё, кажется, выдают стипендии на учёбу в колледже.

Саттон переваривает услышанное.

— А... Звучит скучновато.

У меня внутри будто что-то сжимается. Даже если мамин клуб кажется скучным, это не значит, что можно заявлять об этом вслух. Я и то понимаю, что это грубо.

К моему изумлению, я выпаливаю:

— А тебя туда никто и не звал.

Ой-ой.

Я вдруг вспоминаю, что Саттон минимум на пять сантиметров выше меня. Большинство моих сверстников минимум на пять сантиметров выше меня. Особенно девчонки. А у Саттон к тому же такой вид, будто ей постоять за себя в драке — раз плюнуть. Может, это из-за её волос. Они такие... свирепые, понимаете?

На мое счастье, она, кажется, не сердится.

— А. — Саттон снова смотрит вверх и щёлкает своим приборчиком, как только голуби начинают играть. Я вздрагиваю, когда один из них чуть не касается земли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru